

Гульчера БЫКОВА

профессор БГПУ,
член Союза журналистов России

От редактора. «Серебряный звон» – не первая публикация Гульчеры Быковой в нашем альманахе: в третьем выпуске «Амура» напечатаны её рассказы «Семёновна» и «Жила-была Клавочка...» Там в центре авторского внимания были извилистые женские судьбы, здесь – поражающая воображение экзотическая природа Нижнего Амура, нравы, обычаи, повседневные заботы жителей села, расположившегося на крутом берегу великой реки. В эти заповедные места героиня-рассказчица (а она – фигура, несомненно, автобиографическая) попадает из прокалённого солнцем Узбекистана, поэтому всё здесь для неё внове. С восторгом первопроходца она открывает для себя (и для читателя) уникальный край – потрясающе красивый, бесконечно щедрый, суровый и величественный одновременно. Могучий Амур. Сопки. Первозданная тайга, богатая грибами, ягодой, орехами, диким луком, черемшой. Переполненные лососем нерестовые реки. Яркие человеческие типы (прежде всего колоритное семейство Баритоновых). Зброшенная узкоколейка, строившаяся когда-то заключёнными ГУЛАГа к урановым рудникам. И всё это автор рисует сочными, яркими красками, передавая всю остроту и свежесть своих зрительных, вкусовых, обонятельных ощущений. Так что читателя ждёт крайне увлекательное путешествие.

Жаль только, в рассказе остаётся недоработанной наметившаяся была история пробуждения у героини первого чувства, история выстраивания романтических отношений. Но, с другой стороны, нельзя объять необъятное. Может быть, мы ещё прочтём когда-нибудь продолжение этой истории.

Рассказ

СЕРЕБРЯНЫЙ ЗВОН

На крутом берегу Амура в устье реки Бешеной приютилось село Циммермановка, названное по имени её основателя Циммермана. Ещё до революции немец содержал здесь почтовую станцию. С неё и началось поселение, где теперь были леспромхоз, который заготавливал лес для Японии, и нефтепровод: по нему с Сахалина перегоняли нефть на стратегические заводы Комсомольска и Хабаровска. Потому и магазины здесь были богатые: нефтепровод снабжался как оборонно-промышленное предприятие, а леспромхоз – как экспортное.

Держали, как водится, подсобное хозяйство, а ещё жили испокон веку рыбалкой и собирательством: сушили и солили грибы, черемшу, папоротник, заготавливали впрок ягоды и орехи. Словом, брали всё, что щедро и даром давали река и тайга.

Село как село, ничем на первый взгляд не примечательное, как сотни амурских сёл, издревле ютившихся по обоим берегам могучего в низовьях Амура. Уж кто-кто, а циммермановцы хорошо знали, что это только здесь, впадая в Амур, небольшая в сравнении с ним нерестовая Бешеная становилась неукротимой и опасной. На многие километры разливалась она по бескрайней тайге, куда и устремлялись на нерест тысячи самцов и самок лосося. Здесь, четыремя годами раньше, они появились на свет беспомощными мальками, жадно пожираемые полчищами шук, ленков, хариусов, чебаков, краснопёрок и других хищных рыб. Оставшихся живыми река заботливо выносила в Амур, а по его течению окрепшие мальки скатывались в море, где росли и матерели, чтобы потом сильными серебристыми рыбинами пройти обратным путём до устья Бешеной и по ней подняться против течения в те самые таёжные речушки, где они появились на свет. Теперь самки, отнерестившись, а самцы, оплодотворив икринки, погибнут

здесь, чтобы народившиеся мальки снова проделали древний путь своих предшественников.

...Никто в селе не удивлялся, что бесхарактерный бессловесный трудяга Василий Баритонов никогда не перечил своей командирше-жене и её многочисленной молоканской родне. Все считали его сиротой, которого когда-то женила на себе боевая, нахрапистая и горластая Мария Баритониха. Под её карающую руку опасались попасть не только многочисленные харитоновские отпрыски, но и сам их бесхребетный родитель.

Двадцатипятилетнего Витьку, самого старшего из братьев, охотнее почитали в семье за главного. Он пользовался особым доверием и расположением матери, потому что денно и ночью пропадал на реке или в тайге с единственной мыслью о пропитании огромного семейства. В заботе о хлебе насущном он как-то и не успел присмотреться к девкам на выданье. Мулинка – бесстыжая одинокая ульчанка – не в счёт: за бутылку первача и хвост осетра обласкает хоть местного, хоть заезжего молодца. Была в селе такая скорая помощь по мужской нужде. Витька краем уха недавно слышал, что мать в соседней Киселёвке присмотрела ему девку – кровь с молоком. Оно, конечно, неплохо под боком жёнушку иметь. К Мулинке всё одно не набегаешься...

– Эх! Не об этом сейчас надо думать, – корил он себя за срамные мысли не ко времени. – Профессор Свирский, ихтиолог из Владивостока, на рыбнадзорной станции новую породу осетровых выводит: у калуг шприцем спелую икру отсасывают, а у осетров – молоки, смешивают и выдерживают в инкубаторах. В них-то и появляются юркие мальки новой, невиданной породы. В защищённых водных вольерах, где нет хищников, их видимо-невидимо. Подрастут – в Амур выпустят.

Профессор Свирский, видя страсть Витьки к реке и рыбе, его природный ум и практическую сметку, а ещё

нужду, которую знал парнишка с малолетства, советовал поступать на ихтиологическое отделение ДВГУ.

Обо всем этом размышлял ранним утром старший сын Баритоновых, отправляясь на рыбнадзорную станцию, где выполнял самую тяжёлую и опасную работу — заездки ставил в ледяной весенней Бешеной, а поздней осенью, после нереста перед ледоставом, снимал. Нередко часами простаивал в холодной воде, латая их, когда очередной заездок не выдерживал под напором мощных косяков, рвущихся на нерест. Осматривал нерестилища, делая многокилометровые обходы по непролазной тайге. Бывало, натёкался на браконьеров, которые безжалостно вспарывали тысячи самок, чтобы добыть несколько вёдер дорогостоящей икры. После них оставались в тайге горы загубленных лососей. Платили подсобному рабочему Витьке мало. Всю зарплату он отдавал матери, которая каждый год была на сносях или кормила грудью: молоканская вера запрещала детоубийство.

И вот теперь ему предлагают учиться на ихтиолога — специалиста по разведению рыбных пород. Про такое и подумать-то страшно. А тут ещё аттестата нет: бросил школу в десятом классе, когда отец застудился на рыбалке и слёг. Надо было его на ноги поднимать и семью — мал-мала меньше — кормить. А теперь выход один — вечернюю школу заканчивать, через год — аттестат в руках. В школу-то можно: если летом сутками приходится крутиться, то зимой на станции почти нет работы. Учись — не хочу. Да вот беда, многое из того, что знал, напрочь забыл. Может, сестрица новоиспечённая поможет. А что, неплохая мысль...

Всё село так и ахнуло, когда Баритониха громогласно объявила в бане новость — у её непутёвого муженька родной брательник объявился. И это ещё полбеды, коли бы один: он уже на пути сюда со своей оравой. Куда их селить, как устраивать, чем кормить? Бабы качали головами, искренне сочувствуя многодетной Баритонихе. А Василий-то, надо же, сиротой казанской прикидывался...

Прочитав письмо, Василий долго не мог прийти в себя, узнав, что много лет не подававший о себе вестей брат его Виктор жив-здоров, имеет жену и четверых детей и едет на постоянное место жительства к нему, старшему брату, у которого и планирует остановиться на первое время. «В тесноте, да не в обиде, — размышляет добрый по натуре безропотный Василий. — Где своих восьмеро ртов, там и четверым место найдётся. Дюжина детей и четверо взрослых. Лето — не зима: как-нибудь да разместимся, не вечно же они будут квартировать. А что касательно Марии, так покричит, пошумит да успокоится».

Так и вышло: страсти покипели-побурлили и сошли на нет, как пена на Амуре после ночного шторма.

Закончив восемь классов в Узбекистане, я, наконец, решила поехать на лето к маме в Горный Алтай, откуда сбежала три года назад из-за несложившихся отношений с отчимом. В Янгиере, у дяди Яши, я всё ждала, что она приедет за мной. Но мама не приехала. Я очень скучала, плакала втихомолку и понимала, что, кроме меня, в семье ещё трое детей, которых надо кормить и воспитывать. Особенно мама боялась за сыновей: им без отцовского глаза никак нельзя. Учиться они не хотели, хулиганили, убегали с уроков. А я была отличницей, училась охотно, занималась в танцевальной

студии и в научных кружках. Дядя Яша с тетей Ниной не знали со мной никаких хлопот и только жалели, что мама не соглашается отдать им меня на удочерение.

Мама писала, что сильно скучает по мне, плачет и разговаривает с моими фотографиями. И мне было плохо без неё, сестры и братишек. Оказалось, они по настоянию отчима собрались теперь на другой край света (к чёрту на кулички, как говорила мама) — в Хабаровский край. Куда мне деться? Не возвращаться же опять в Узбекистан. Решили, что я вернусь туда с нового места жительства. И ничтоже сумняшеся, все отправились в долгую дорогу: сначала на машине семьсот километров по Чуйскому тракту до Бийска, потом на поезде с пересадками до Хабаровска, а дальше за два дня теплоходом по Амуру преодолели ещё полтысячи километров.

Я часами простаивала на верхней палубе теплохода, не в силах оторваться от проплывающих мимо лесистых берегов. Дальний Восток поражал воображение не меньше Горного Алтая. Здесь была своя ошеломляющая красота: мощный полноводный Амур с обеих сторон окаймляли сопки, покрытые непроходимыми лесами. Осенённый этим буйным величием, он неспешно нёс свои воды к морю, вбирая по пути бесчисленные реки и речушки, всё более полнясь и матеря. Вот ты какая, бескрайняя дальневосточная тайга! Дикий заповедный край...

В Циммермановке встречали нас шумно. На дебаркадер высыпало почти всё село, заинтригованное слухами, плодить которые тётя Мария была мастерицей. С парохода шли большой толпой по широкой улице на другой край села. Из калиток выглядывали любопытные, глаза на приезжих.

Разместили нас в просторном деревянном доме, бедном, но чистом. Стоял он на пологом берегу у края села. В ночь на Амуре разыгрался шторм. Могучая река угрожающе шумела. На стены и окна порывами налетал ветер. Что-то шуршало и скрипело под кровлей старого дома. К утру ненастье стихло, всё успокоилось. Показалось неяркое солнце. Белый туман клубился над водой, скрывая противоположный берег, и потому Амур казался морем. Здесь, в низовьях, он достигал четырёх-пяти километров в ширину.

Мне, ранней птахе, не терпелось поскорее выйти на берег, сбегать за околицу, но я боялась собаку, которую на ночь отвязывали. Посмотрела в одно окно — обычная деревенская улица, ничего интересного. Зато на другой стороне, чуть поодаль, манил свежей зеленью и звенел птичьими голосами лес. Наконец, проснулась тётя Мария доить корову. Я увязалась за ней. Зашла за дом и ахнула: на мокрых от росы кустах мерцали крупные дымчато-синие ягоды. Черника? На Алтае её видимо-невидимо. Сорвала спелые ягоды — и в рот. Нет, не черника: та сладкая и помельче, на низких кустиках. А эта — кисло-сладкая, с удивительно нежной ароматной мякотью. Так впервые я отведала голубики. Замечательная ягода. Ближе к лесу зелёным ковром выстилалась брусника, а на болотах по осени алела во мху на ножках-ниточках тёмно-красная клюква. С заходом солнца багряные ягоды прятались в зелёный покров, полностью исчезая, словно укладывались спать.

Несколько раз на день бегала я лакомиться лесными деликатесами. После знойного многолюдного азиатского города всё не могла привыкнуть к здешней тишине, прохладе, первозданной природе (дикая ягода,

вековой лес – и сразу за домом!). Любовалась и не могла насмотреться на Амур, который спокойно, с величавым достоинством катил и катил к морю свои волны, теряясь среди бесчисленных сопок.

Загорелые до черноты, горластые, совсем не похожие на тихого голубоглазого отца, баритоновские мальчишки с утра до позднего вечера пропадали на реке или в лесу. Как муравьи, они всё что-то заготавливали – рыбу, ягоду, щавель, дикий лук, черемшу, грибы, орехи, траву корове и кроликам, ракушечник курам и уткам, хворост для летней кухни и т.д. Чтобы накормить такую ораву, тётя Мария с единственной дочерью Таськой целыми днями кашеварили: в баках и вёдрах на плите варилась уха, а на огромной сковороде шипели куски свежей рыбы, доходили под крышкой пахучие рыбные котлеты, грибы или картошка.

За большим самодельным столом вся семья не умещалась, поэтому ели по очереди – сначала дети, а потом взрослые. Всё, что выставлялось на завтрак, обед или ужин, поглощалось так быстро и жадно, что мы, не привыкшие к такому олимпийскому темпу, зазевавшись, часто оставались голодными. Вечером ребятня наперегонки устремлялась с пустыми кружками к стойке, где тётя Мария доила корову. Опять налетали на молоко, и его будто корова языком слизывала. Оставляли немного для старших, Витьки и Валентина, которые обычно возвращались с рыбалки или охоты поздно, иногда под утро.

– Слушай, сестрица, – сказал как-то Витя, – хочу в вечернюю школу записаться, аттестат нужен. Поможешь?

– Да я ж уеду скоро.

– Куда?

– В Узбекистан, откуда приехала. Я не живу с родителями.

– А почему?

– Так вышло, – уклонилась я от ответа.

Мы собрались на рыбнадзорную станцию. Она была за селом, на Бешеной. Туда можно было попасть в обход по трассе или напрямик по реке. Для Витьки сподручней, конечно, был водный путь. Казалось, он и родился вместе с лодкой, так как проводил в ней большую часть суток.

– Слушай, ты почему такая непоседа? – то и дело взрывался он. – Перестань вертеться! Под тобой что – шило?

Впервые я оказалась в лодке на большой реке. На пароходе было нестрашно: вода далеко, где-то внизу, а тут – вот она, рядом. Стоит наклониться – и коснёшься ладонью упругой глади. Ой, мамочки! Брызги-то какие холодные! Ну и жуть! Под нами же водная бездна. А вдруг я вывалюсь? А вдруг лодка перевернётся? А вдруг в нас кто-нибудь врежется? Доплыву ли до берега? Ой, да ни в жизнь! И начну тонуть. Интересно, спасёт меня Витька или бросит? А вдруг... Не успела натерпеться страху и как следует рассмотреть ближний берег, как лодка стремительно влетела в устье Бешеной и уткнулась носом в песок.

– Сядь и замри, – прозвучал строгий приказ.

– Я с тобой, я тоже хочу посмотреть станцию и мальков, ты же обещал, – заканючила я.

– Успеешь. Я схожу по делам, вернусь и отведу тебя. Смотри не вставай, а то перевернёшься и утонешь. Я скоро.

Он ловко выпрыгнул на берег, закрепил за колышек лодку и ушёл. Несколько минут я сидела смирно. От нечего делать наклонилась и стала смотреть на воду. Боже, как она прозрачна! На дне отчётливо видны мелкие и крупные камешки. Ой! Что это? Приглядевшись, от неожиданности я чуть не вывалилась из лодки: мимо проплывали крупные рыбины. Ой, вон ещё. И ещё! Чуть поодаль их было так много, что вода серебрилась и пенилась от движения косяков, шедших на нерест. Они собирались стаями и штурмовали преграду из ивняка, которой была перегорожена река. Большие серебристые рыбины словно недоумевали, почему их не пускают. В панике они толкались и метались, словно люди в толпе или в очереди. А из Амура всё прибывали и прибывали новые косяки. Надо что-то делать! Как им помочь?

Я была потрясена невиданным зрелищем. Разве можно пережить это в одиночку? Необходимо хоть с кем-то поделиться нахлынувшим изумлением. Что же будет с рыбой? Я стала оглядываться вокруг и заметила черноволосого парня, который неторопливо ходил по берегу среди кустов малины и не спеша ел спелую ягоду. Вопреки запрету брата, я встала и начала осторожно выбираться из лодки. Она отчаянно раскачивалась и норовила завалиться то на один, то на другой бок. С горем пополам, взвизгивая и ойкая, я всё-таки выбралась на берег, изрядно замочив ноги и платье.

– Слушай, ты не знаешь, какой дурак перегородил речку? Смотри, рыбе-то некуда деться.

– Я перегородил. И Витька. Все мы.

– Зачем?

– Это заездок. В нём несколько проходов. Я вот сейчас поем малины и открою какой-нибудь из них.

– И что?

– Буду пропускать через него кету и считать.

– Зачем?

– А чтобы знать, сколько их нынче на нерест пришло.

– И что, из-за этого надо рыбу мучить? Ну-ка открывай сейчас же все эти чёртовы проходы!

Стараясь успокоиться, я сорвала несколько спелых ягод и положила в рот. Ах, до чего ж сладка и ароматна дикая малина!

– Да ты поднимайся сюда, – миролюбиво предложил парень. – Я там всё объел.

И я стала карабкаться по откосу к красным от ягоды кустам. Круто, однако... Чтобы не сорваться, пришлось удерживаться за траву, ветки, камни. Я была почти у цели, как вдруг зацепилась косой за что-то и оступилась, но незнакомец ловко подхватил меня. Выпутал косу из колючих веток, задержал в руке: «Ничего себе коса, больше тебя, – удивлённо сказал он, – ни у кого из наших девчонок такой нет».

Я, наконец, выпрямилась и отдышалась. Теперь можно и полакомиться. Но что это? Взглянула на руки и покатила со смеху: они были в земле и песке, как, впрочем, и мокрое платье, и белые туфли. Мы посмотрели друг на друга и расхохотались. И тут он, желая утешить меня, набрал полную ладонь спелой малины и протянул мне. Я осторожно подбирала губами сочные ягоды с его тёплой ладони. Он нарвал ещё. Потом ещё. Стало хорошо и весело, чувство неловкости прошло.

– Ты с Витькой Баритоновым приехала?

– Да, уговорила его показать Бешеную и станцию. Никогда в жизни не видела столько рыбы. Кому скажу в Янгиере – ни за что не поверят.

– А ты что, хочешь уехать? Вы же, говорят, здесь жить собираетесь?

– Это мои родители собираются, а я скоро уеду. Вот дядя Яша денег на дорогу вышлет, и полечу самолётом до Ташкента.

Он тем временем нарвал ещё горсть ягоды и только поднёс к моим губам, как на берегу появился Витька и заорал, чтобы я немедленно спускалась вниз. Мы даже не успели познакомиться.

– Ты приходи вечером в клуб, я билеты куплю, – сказал незнакомец вслед.

Я кивнула и стала быстро спускаться к воде. На губах остался сладкий привкус дикой малины. А в сердце тихонько зазвенела серебряная струна. Весь день чудился мне тонкий аромат спелой малины на его тёплой большой ладони. И смотрели в упор, не давали покоя серо-зелёные глаза под чёрными ресницами.

– Я ж велел тебе сидеть здесь, – злился Витька. – Что тебя черти понесли в малинник? Это Пашка тебя позвал? Я быстро ему бока-то обломаю.

Я прыснула со смеху, потому что Витька был невысокого роста и щуплый, не в пример тому, кто угощал меня малиной. А ещё он был некрасивый. По сравнению с тем парнем. Я это только теперь поняла.

– Смотри, чтоб я тебя больше с ним не видел!

– Ой, султан какой выискался, – взвилась я. – Терпеть не могу, когда мной командуют. – Что он тебе плохого сделал?

– А ты что, не видишь, какой он красавчик?

– Вижу, не слепая. Ну и что?

– От бестолковая! Да за ним девки табунами ходят. Они ж тебе житья не дадут, со свету сживут.

– Ой, напугал! Сейчас от страха из лодки вывалюсь. Ой, держите, падаю, падаю...

– Хватит ёрничать! Подбери косу, а то на винт наматается. И какого чёрта я связался с тобой!

...Нет, определённо что-то случилось со стареньким зеркалом, висевшим в одной из комнат баритоновского дома. Весь день оно без конца зазывало меня, притягивало магнитом, не давая покоя. Я крутилась перед ним как ненормальная: то и дело смотрела на себя и прямо, и сбоку, и сзади пыталась на косу заглянуть. Вспоминала, как он задержал её в руке, как удивился. На несколько раз переплела волосы. Щёки предательски полыхали румянцем, а в душе тонко звенела и звенела серебряная струна. К вечеру надела голубое платье, которое тётя Нина сшила мне на выпускной после восьмого класса. Можно было биться об заклад, что в деревне ни у кого не было такого, потому что тётка покупала модную ткань по знакомству.

Ближе к вечеру я осторожно выглянула из дома. Витька в сарае перебирал и чинил сети: значит, собирается на ночную рыбалку. Тихонько, чтобы он не заметил, выскользнула из калитки и направилась в клуб. Сердце готово было выпрыгнуть из груди, ведь я впервые пошла в деревенский клуб. Никого, кроме этого сероглазого, я здесь не знала. Может, он пошутил или забыл? И зачем меня понесло в этот малинник? Вот не было печали...

Возле клуба толпилась молодёжь. Девчонки сбились стайками, парни рассыпались на несколько групп, а он стоял один. Я сразу заметила и узнала его. Он явно ждал кого-то. И как только увидел меня, пошёл навстречу. Я обрадовалась. Растерялась. Испугалась. Он почувствовал это смятение, взял меня за руку, и мы на-

правились в клуб. Когда вошли, в зале стало тише, потому что все девчонки смолкли и уставились на меня: что это за птица такая появилась? Я запоздало пожалела, что так разрядилась. Было бы лучше в каком-нибудь скромном платьице. Скорей бы погас свет, сколько можно на нас пялиться? И вдруг в дверях появился разъярённый Витька в болотных сапогах, в больших отцовских штанах и выцветшей энцефалитке. Он, наверно, хватился, что меня нет дома, а может, кто-то наябедничал. Витька сразу отыскал нас глазами, потому что мы сидели в проходе, подошёл и рявкнул:

– Ну-ка марш домой! Сейчас же!

– Ты что раскомандовался, – попытался вступить за меня новый знакомый.

Но Витька, не удостоив его взглядом, схватил меня за руку и потащил к выходу. Отовсюду раздавался дружный недобрый смех. Я молча упиралась, но он упрямо волок меня, пока не вытолкал в дверь. На улице мы схватились ругаться. Я вырвалась, попыталась вернуться в кинозал, но он снова крепко вцепился в меня и прежним манером потащил в сторону дома. Я отбивалась, плакала, кричала, но он молча тащил меня по деревянному тротуару. Я едва успевала за ним, чтобы не упасть. И тут я укусила его за руку. Если бы от неё так мерзко не воняло старыми сетями, я бы, наверно, откусила ему палец. Так я была зла в тот момент. От неожиданности он взвыл и отпустил меня. Мы пошли рядом. Я плакала от стыда и обиды, а он стал оправдываться:

– Я ж для тебя стараюсь. Потом ещё спасибо скажешь.

– За что? Ты ж опозорил меня и его.

– Так ему и надо! Он думает, если девки на него глаза пялят, так ему всё можно. А ты знаешь, какой у него отец деспот? Над женой измывается, как хочет. И тебя это ждёт. Лучше не связывайся с ним.

– Дети за родителей не отвечают!

– Зато дети повторяют родителей. Видела лососей в Бешеной? Знаешь, почему они из моря приплыли? Потому что их родители четыре года назад проделали то же самое. И так сотни, тысячи лет. Это закон природы: яблоко от яблони далеко не падает. Заматереет твой Паша, станет таким же, как отец. Заплачешь, вспомнишь меня, да поздно будет.

– Слушай, ты мне кто? Никто. Никакая я тебе не сестра. Понял? Отчим не родной мне, значит, и я тебе не сестра. Ненавижу его и тебя, вас обоих!

Весь вечер я металась по дому и плакала. Пришла с работы мама (она на другой день после приезда устроилась продавцом в леспромхозовский магазин). Зашла румяная от плиты растревоженная тётя Мария и давай меня убеждать, что не стоит слёз этот Пашка Боков.

– Да кто такой этот Паша? – недоумевала мама.

– Нефтепроводские они, на том краю живут. Отец работает бригадиром аварийной бригады. Мать – всю жизнь домохозяйка. Пьющая она. Сам-то граф тоже пьёт, но знает меру. Старшие двое своими семьями живут. Пашка у них предпоследний. С Витькой летом на рыбнадзорной станции подрабатывает. И всё что-то их мир не берёт.

– А почему граф? Он что, дворянского рода?

– Да ну, скажешь тоже! Сам Боков – из тульских рабочих. А прозвали так, что выше всех себя мнит. Жена для него – не человек, заместо рабы в доме. По курортам каждый год один разъезжает. Бабы и вешаются на него. А уж кобелина – не приведи Господи. Загуляет и

ну на жене зло сгонять, колотит почём зря беднягу. От такой жизни не только запьёшь – повеситься недолго. Не на меня напал – я б ему быстро рога-то обломала. А Катерина кроткая. Сломал он её, изверг.

– При чём здесь отец и Паша? – всхлипываю я. – Витька меня опозорил. Понимаете? Он меня при всех из клуба выгнал.

– Как это не при чём? – застывает за своего любимца тётя Мария. – Твой Паша – вылитый отец будет: какое семя, такое и племя. Вот кому-то не одну цистерну слёз доведётся пролить – не позавидуешь.

– Почему сразу мой? Никакой он не мой. Я и видела-то его два раза.

– Да когда успела увидеть и где? Ещё недели здесь не живём, – тревожится и удивляется мама.

– В малинике на Бешеной, – завываю я сквозь слёзы.

– Господи! Как ты там оказалась? Что вы там делали? – всполошилась мама.

– Малину ели. Он кормил меня. У меня руки... – пыталась я объяснить, но понимала, что всё больше запутываю и маму, и тётю Марию.

Три дня я не показывала носа в деревню. С Витькой принципиально не разговаривала. В упор его не видела. Ходила на Амур или на опушку леса за домом. Подолгу сидела там одна, любовалась на свежие, словно умытые, травы и деревья. Скоро уезжать. Надо успеть наглядеться на такую красоту. Из-за этого дурака Витьки так всё глупо получилось. Поскорее бы уехать от позора.

На следующий день отправила телеграмму дяде Яше. И только вышла с почты, а по ступенькам он, Паша, поднимается. Я просто оторопела.

– О, привет! Ты в порядке?

– Да, так себе. Стыдно, что всё так вышло.

– Не обращай внимания. Все знают, что Витька – псих ненормальный. Так-то он добрый. А я на станцию. Хочешь со мной? Там сегодня контрольный отлов будет.

– Как это?

– Долго рассказывать. Сама всё увидишь. Подожди минутку, я почту для Свирского получу.

Через несколько минут он вышел с пачкой газет, посадил меня перед собой на велосипед, и мы поехали. Я ощутила его дыхание совсем близко. Его лицо почти касалось моих пылающих щёк. Он что-то изредка говорил. Я невпопад отвечала. Встречные провожали нас взглядами. Выехали за село. С обеих сторон дороги захороводились пушистые лиственницы и плакучие берёзки. Они то расступались, то склоняли над нами свои шелковистые ветви. Я ещё в первый день заметила, что в Горном Алтае деревья выше. По словам Витьки, здесь – вечная мерзлота, и потому здешние места приравнены к районам Крайнего Севера.

А мы всё ехали и ехали по пустынной трассе. Наконец остановились передохнуть возле родника. Попили из прозрачного ключа. Я ополоснула пылающие щёки. От неудобного сидения без привычки затекли спина и шея.

– Интересно, а что это за узкоколейка вон там?

– Она заброшенная. Её строили политические заключённые. Здесь когда-то была колония репрессированных. Говорят, в нашей тайге, под марями, урановые руды. Поэтому, наверно, в деревне многие умирают от рака. Вон за той сопкой собирались рудник строить, к нему и тянули дорогу для вагонеток.

– Ну и что, построили рудник?

– Нет, руки не дошли. Потом амнистию объявили, заключённых освободили. Они разъехались. А узкоколейка и мосты через речушки остались, догнивают теперь. Зря только людей мучили да лесу столько перепортили.

Поехали дальше. Теперь мой спутник устроил меня сзади на сиденье. Дорога была гравийная, неровная, иногда с выбоинами. Чтобы удержаться, пришлось обхватить его руками. Ехать так было гораздо удобнее, и я смогла получше рассмотреть окрестности.

Красота-то какая – глаз не отвести! Повезло людям: с рождения каждый день видят всё это и считают, наверно, что так и должно быть. И, конечно, не ценят, потому что привычное не замечается. А ведь есть безжизненные места, как, например, Голодная степь вокруг Янгигера – выжженная, безводная, песок да потрескавшаяся глина. И только ранней весной, когда солнце ещё не такое жаркое, земля покрывается буйной зеленью, полыхают до самого горизонта красные черноглазые маки, алые и жёлтые тюльпаны, ползают черепахи с забавными маленькими черепашками. Возьмёшь такую малютку в руки, а она мягкая, податливая, замирает в руках. Перебегают от норки к норке и посвистывают суслики, а ежи и ежата, чуть коснёшься их, мгновенно превращаются в колючие шары и забавные шарики. Ползают змеи и ящерицы, иногда вараны встречаются. Я их боюсь, хотя они безобидные.

Но уже через месяц-другой палящее солнце превратит цветущую степь в мёртвую пустыню, попрячется и замрёт всё живое. И только там, где есть вода, пышно растут цветущие кустарники и деревья, благоухают розы, вьётся виноград. В пустыне таких оазисов – раздва и обчёлся. А здесь воды с избытком, можно сказать, водное царство: столько по-над дорогой озёрков, заводей, лесных ручейков, родничков, речушек, болот. Вот почему здесь такая пышная и свежая зелень, такие раскидистые деревья.

В стороне от дороги послышался лай собак, неровный, с переборами, звук движка, шум горной реки и голоса людей. Мы свернули с трассы и вскоре оказались перед небольшим домиком рыбнадзорной станции. Чуть поодаль, под сенью молодых елей приютилось несколько жилых построек, а за ними стеной стоял лес.

Распоряжалась всем маленькая, похожая на птичку женщина с бельмом на глазу:

– Паша, ждём тебя. Давай сюда почту. Несите невод на Бешеную.

Я догадалась, что это была начальница станции тётя Аня Сухорезова. Бестолково суетился, беззлобно матерясь, её подвыпивший муж Виталий Степанович. Он и ещё несколько мужиков вынесли из сарая сеть, разложили на берегу, разделившись на две неравные группы. Одни, посмеиваясь, подначивая друг друга и вздрагивая от холодной воды, нехотя забрели в реку, другие тащили невод по песку. Не прошло и двадцати минут, как он упруго напрягся, в нём испуганно забились сильные рыбины. Теперь и мокрые ловцы были на берегу, с усилием поддерживали вздрагивающую, словно живую, сеть. Паша ловко сортировал рыбу: самцов выбрасывал обратно в реку, а самок укладывал в стоящие на песке лотки. По внешнему виду, а точнее, по форме головы, он безошибочно определял, кто есть кто. Отбрав нужное количество самок, всё содержимое нево-

да вытряхнули в воду, и перепуганные лососи мгновенно растворились в тёмной глубине реки.

Вымокшие рыбаки отправились переодеваться, а остальные под смех и шутки, подхватив лотки с трепыхающимися самками, двинулись в помещение, где на большом столе их ловко разделявали. Предварительно измерив и взвесив каждую на больших весах, вспарывали, доставали икру, вес которой определяли уже на аптечных весах, а затем пересчитывали золотисто-оранжевые, словно светящиеся, икринки, отделяя их друг от друга тупой стороной ножа. Янтарные капельки легко скользили по плёнке, в которую были надёжно упакованы в чреве самок, и яркой живой струйкой сбегали по лотку в ёмкость.

Тётя Аня что-то всё время записывала в контрольный журнал и объясняла толпившимся около неё парням. Это были студенты ихтиологического отделения ДВГУ, которые ежегодно проходили здесь стажировку. Они оживлённо переговаривались, сыпали малопонятными терминами. Мне очень хотелось увидеть профессора Свирского (я никогда не видела «живых» профессоров), но оказалось, что они с Витькой уже несколько суток на нерестилищах.

Чуть позже тётя Аня пригласила всех, как она выразилась, в трапезную – в помещение с длинным деревянным столом. На нём уже стояли большие сковороды, на которых розовели ароматные куски кеты. В центре горкой возвышалась жареная печень лососей, необыкновенно вкусная и пахучая. Истекала паром жёлтая рассыпчатая картошка, сдобренная кусочками поджаренного сала и зелёным укропом. Из алюминиевых чашек, покрытых толстой плёнкой рыбьего жира, растекался такой аромат наваристой ухи из плавников и лососевых голов, что, наверно, не у меня одной потекли слюнки. Я почувствовала, что зверски голодна.

Вдруг тётя Аня спохватилась, что не приготовили икру. И её тут же на глазах изумлённой публики (а ею оказалась, конечно, я: больше никто не обратил на это внимания) посолили: подержали минут пять в крепком солёном рассоле (тузлуке), откинули на металлическую сетку (получилось около ведра) и разложили в большие алюминиевые чашки. Разлили водку в гранёные стаканы, выпили «для сугреву» и дружно налегли на выставленное угощение. Икру ели большими ложками, зачерпывая из чашек. Свежая, слабо-солёная, она была необыкновенно вкусна и таяла во рту.

В самый разгар пиршества в столовую вошла рослая белокурая девушка с голубыми, как у Виталия Степановича, глазами и остреньким, как у тёти Ани, носиком. И по тому, как притихли студенты, как несколько человек услужливо потеснились, предлагая ей сесть, чувствовалось, что она пользуется здесь особым вниманием. Это сквозило в её гордой осанке, в том, как она смотрела на всех, как спокойно (что меня особенно восхищало) выпила, как взрослая, водку и стала не спеша закусывать икрой, больше ни к чему не притронувшись. Так я познакомилась, а потом и подружилась с Татьяной Сухорезовой. Выяснилось, что рослые Паша с Та-

ней и я, птичка-невеличка, – ровесники и все перешли в девятый класс. По сравнению с ними я показалась удивлённой тёте Ане семиклассницей.

За трапезой никто не заметил, как быстро сгустились сумерки. На тёплую влажную землю спустилась летняя ночь. На небосводе зажглись редкие крупные звёзды: некоторые из них, казалось, запутались в кронах высоких древних лиственниц или утонули в придорожных озёрцах и загадочно оттуда мерцали. По команде дальновидной тёти Ани меня отправили домой на мотоцикле. В качестве парламентаря, то есть примиряющей стороны, назначили её непутёвого мужа. Меня усадили в люльку, пьяный Виталий Степанович взгромоздился за руль, а Паша сел у него за спиной. Видя мои испуганные глаза, новый друг шепнул: «Не волнуйся. Он всегда пьяный. Это его обычное состояние. Всё будет нормально», в чём я, однако, сильно засомневалась, как только мы выехали на трассу.

Мотоцикл вдруг взревел и завилял как ненормальный, потом стал взбрыкивать и перемещаться скачками, но вдруг неожиданно замедлил ход. Это и спасло нас: не успели и глазом моргнуть, как вместе с мотоциклом скатились в большую придорожную канаву. Мотор заглох, и в наступившей тишине явственно слышался храп Виталия Степановича. Оказалось, он просто заснул за рулём. «Без паники», – сказал Паша. Я не паниковала, а изо всех сил сдерживалась от смеха. Но тут меня прорвало. Не удержался и он. Под храп задачливого водителя мы нахохотались и стали выбираться из канавы. Паша был высокий и сильный. Он вытащил из канавы спящего Виталия Степановича, потом меня, потом выкатил мотоцикл. Затем загрузил храпуна в люльку, сам сел за руль, а я уцепилась за него. И на большой скорости, с ветерком, мы помчались по трассе, а потом через притихшую деревню к дому Баритоновых.

Там была настоящая боевая тревога: мама бегала по берегу Амура, плакала и кликала меня, тётя Мария с Таськой аукали за домом на лесной опушке, а дядя Вася с отчимом прочесывали улицу за улицей и опрашивали встречных и поперечных по поводу девочки с длинной косой. Все, оказывается, искали меня. Только тут я вспомнила, что исчезла из дома, никого не предупредив.

Не знаю, чем бы всё это кончилось для меня, только вдруг проснулся Виталий Степанович и громогласно потребовал срочной дозаправки: «Горючего, скорей горючего», – блажил он, и дядя Вася с готовностью побежал к соседке за самогонкой, а тётя Мария с мамой засуетились у стола. Все взрослые сели в кухне и стали дружно снимать пережитый стресс, а мы с Пашей ждали моего спасителя на мотоцикле и весело болтали. Над нами сияли крупные летние звёзды. Неистово светила полная луна. За домом в лесу ухала какая-то ночная птица. На Амуре тихо плескались и шелестели по прибрежной гальке серебристо-синие волны. А в душе у меня тихонько звенели серебряные струны, и близко-близко из-под тёмных ресниц сияли восхищённые серые глаза.